

«Ленинградское дело» — один из самых
загадочных и малоизученных
судебных процессов
сталинского времени

в л а д и м и р к у з н е ч е в с к и й

СТАЛИН

И «РУССКИЙ ВОПРОС»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1931 — 1953

Владимир Кузнецhevский

**Сталин и «русский вопрос»
в политической истории
Советского Союза. 1931–1953 гг.**

«Центрполиграф»

2016

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кузнечевский В. Д.

Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг. / В. Д. Кузнечевский — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06584-1

В дореволюционной Российской империи русский вопрос не существовал. Был русский народ со своей 1000-летней историей, было государство, названное по имени этого народа, были в рамках этого образования другие народы, либо сами вошедшие в состав России, либо присоединенные к ней недобровольно. После Октября 1917-го ситуация резко изменилась. Фактически же у партии большевиков сразу же началась постоянная борьба с государствообразующим народом. Завершающий его этап — «Ленинградское дело». Дело по сей день остается одним из самых загадочных и малоизученных судебных процессов сталинского времени.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-06584-1

© Кузнечевский В. Д., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

От автора	6
Глава 1	11
«Свалить шовинизм на обе лопатки»	11
Расставание с Покровским	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Кузнечевский

Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг.

© В.Д. Кузнечевский, 2016

© «Центрполиграф», 2016

* * *

«Ленинградское дело» – один из самых загадочных и малоизученных судебных процессов сталинского времени

От автора

Проблема так называемого русского вопроса беспокоила Иосифа Джугашвили всю его сознательную жизнь, к решению ее он в разное время подходил с разных сторон, но так и не смог определиться окончательно.

Родившись в 1878 году в небольшой кавказской провинции под названием Грузия (по состоянию на 1913 г., из 130 млн человек Российской империи в Грузии проживало 1 748 000, то есть 1,3 %), Иосиф Джугашвили, что называется, с молодых ногтей ощущал себя представителем национального меньшинства в общем этническом русском море, но в целом – россиянином, как трактовал это положение Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1898 года. По всей видимости, именно поэтому в своей первой теоретико-политической работе, написанной в 1912 году, «Марксизм и национальный вопрос», молодой 34-летний грузин Россию представлял себе как унитарное государство, а себя как россиянина.

Но потом его представления стали претерпевать довольно сильные изменения.

После революции 1917 года Джугашвили-Сталин «узнал» от своего учителя Ульянова-Ленина, что русский народ, занимавший «господствующее положение» в царской империи, был «угнетателем» всех малых народов, и потому вплоть до начала 1930-х годов генеральный секретарь ЦК поддерживал идеологический тезис, согласно которому следовало из всех сил бороться против главной опасности в национальных отношениях – «великорусского шовинизма».

С начала 1930-х годов, и в особенности во время Великой Отечественной войны, Сталин стал активным пропагандистом тезиса о том, что русская нация является ведущей силой в национальной семье советских народов.

Во второй половине 1940-х вождь в очередной раз изменяет свою позицию по этому вопросу и физически уничтожает значительную часть руководителей РСФСР и СССР русского происхождения.

В самом конце своей жизни Сталин вознамерился вслед за русскими подвергнуть репрессиям и еврейскую интеллектуальную верхушку, но не успевает это сделать: вождя сражает смертельный инсульт.

Как заметил, спустя почти 30 лет после его смерти, многолетний верный соратник генерального секретаря большевистской партии В. Молотов, «Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос, то есть каким должен быть статус РСФСР и русской нации в СССР». Совершенно очевидно, что, говоря о Коммунистической партии, Вячеслав Михайлович имел в виду Сталина.

Вообще же говоря, русский вопрос многие десятки лет сопровождает все наше развитие, но, как хорошо известно, возник он только после Октябрьского переворота 1917 года. В дореволюционной Российской империи такой проблемы в нашей истории не существовало. Был русский народ со своей 1000-летней историей, было государство, названное по имени этого народа, были в рамках этого образования другие народы, либо сами вошедшие в состав России, либо присоединенные к ней недобровольно. И никаких дискуссий и споров на этот счет не существовало. А вот после Октября 1917-го ситуация резко изменилась.

Уже 2 (15) ноября 1917 года Ленин от имени созданного им правительства Российской Республики собственноручно пишет «Декларацию прав народов России», где фактически было объявлено, что в результате Октябрьской революции на территории бывшей Российской империи закончило свое существование старое государство, базировавшееся на воле русского народа, а на его месте «остаются только **народы России**, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно».

Ленинский документ не оставлял никаких сомнений в том, что отныне с такой категорией, как **русская нация**, которая, в силу своего объективного положения, ранее объединяла все слои населения российского общества, покончено навсегда и теперь в стране существует только образование рабочих и крестьян, которым противостоит класс мировой буржуазии. Это эпохальное новшество исторического значения закреплялось в следующих словах: прежняя Россия «отныне должна быть заменена политикой **добровольного и честного** союза народов России... Только в результате такого союза, – подчеркивалось в этом эпохальном документе, – могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии».

Во исполнение воли первого и второго съездов Советов «Совет народных комиссаров, – заявлялось в Декларации, – решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹

(выделено Лениным. – *Авт.*).

Документ был подписан следующим образом:

«Именем Республики Российской

Народный комиссар по делам национальностей

Иосиф Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Как следовало из текста этого напех, что называется на колене, написанного документа (через неделю после переворота) главная его цель заключалась в том, чтобы воплотить в действительность давнюю мечту Ульянова-Ленина – покончить в России с государствообразующей ролью русской нации, русского народа, с этой «великодержавной швалью», как позже, уже перед смертью, когда у разрушенного болезнью физического организма уже не осталось сил, выразился Ленин².

Как сейчас становится ясно, в критических условиях политического переворота Ленин в полной мере отдавал себе отчет в том, что в этот момент он еще не может открыто выразить всю свою неприязнь к русскому народу³ (позже он это сделает, и даже публично) и потому при подписании Декларации «спрятался» за Джугашвили-Сталина, поставив его подпись первой.

---

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., Гос. изд-во полит. литературы. 1957. С. 39–40.

² В апреле 1923 г. И. Сталин в своем докладе на XII съезде РКП(б) эту политическую задачу расшифрует подробно. «Со времени Октябрьской революции, – скажет он в отчетном докладе съезду, – мы третий раз обсуждаем национальный вопрос: первый раз – на VIII съезде, второй – на X и третий – на XII... Наш принципиальный взгляд на национальный вопрос остался тот же, что и до Октября и после», поскольку главную опасность представляет собой «великорусский шовинизм». Если, сказал докладчик, мы эту опасность «не подсечем в корне... мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата». Позже Сталин круто поменяет свои позиции в этом вопросе и от ленинских установок временами станет отходить. Но об этом мы поговорим ниже.

³ Подробную разработку этой позиции Ульянова-Ленина см.: Кузнецhevский В.Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2010. Глава 5. Антиподы. С. 96–156.; *Он же*. Сталин: как это было? Феномен XX века. Историческое расследование. М.: Вече, 2014. Глава 3. Судьбы разные, взгляды – тоже. С. 34–85.

Позже нарком по национальным делам свою позицию, отраженную в совместном с Лениным тексте Декларации, изменит, и не один раз, но в принципе Сталин всю свою сознательную жизнь оставался большевиком, то есть верным ленинцем, и к роли русского народа в СССР у него всегда будет сдержанное, а по большей части и негативное отношение: ведь совсем не случайно русские в своей стране до Октября жили не хуже других, а действительно хуже (беднее), по сравнению с другими, стали жить только после Октября.

Фактически же у партии большевиков сразу же после революции началась постоянная борьба с государствообразующим народом (начиная с расстрела рабочей демонстрации в поддержку Учредительного собрания в январе 1918 г.), потому что только с его стороны Ленин, а потом и Сталин видели угрозу для своей власти.

Борьба эта началась сразу после Октябрьского переворота с того, что большевиками была предпринята попытка тотального лишения русского народа выращенной за весь период его развития собственной интеллигенции. В принципе большевики с этой задачей справились. Часть русского образованного класса была физически уничтожена в ходе Гражданской войны 1918–1920 годов, часть (около 2 млн) вынужденно покинула Россию, а несколько сотен особо высокообразованных были по личному распоряжению Ленина арестованы, погружены на пароходы и насильственно отправлены в Европу.

Потом наступил второй акт этой драмы. Сегодня, когда для исследователей открылись многие архивы советского времени, стало ясно, что самый большой урон русскому народу нанесла сталинская коллективизация 1929–1935 годов, когда был почти полностью уничтожен весь активный слой русского крестьянства, который, собственно, и был русским народом.

Потом была Великая Отечественная война. Понимая, что речь идет не о поддержке большевистского режима, а о защите Отечества, оставшаяся еще в живых образованная часть русского народа добровольно массово пошла в дивизии народного ополчения. Сталин спохватился только весной 1942 года и приказал отозвать их с передовой (народное хозяйство стало испытывать острейшую нужду в специалистах). Но к тому времени немало этих специалистов уже погибли.

А после войны наступил очередной этап – «ленинградское дело». После Победы над фашистской Германией, во второй половине 1940-х годов Сталин, по-видимому, решил, что в поддержке своего политического режима со стороны самой многочисленной нации Советского Союза он уже более не нуждается, и потому развязал «ленинградское дело», продолжая его вплоть до своей смерти.

В начале XXI века к пониманию подлинного отношения большевиков к русскому народу стали наконец приходить и зарубежные историки. В 2001 году на основе многолетнего изучения советской истории к выводу о том, что Сталин, опасаясь за судьбу своего режима, всю жизнь боролся с русским народом, пришел профессор Гарвардского университета Терри Мартин. Анализируя столкновение И. Сталина с В. Лениным в 1922 году по поводу образования Советского Союза, в монографии «Империя положительной деятельности»⁴ он заключает: «Из высказываний И. Сталина видно, что причиной его разногласий с Лениным был русский вопрос. Но, сохраняя РСФСР вместо того, чтобы создать СССР, И. Сталин не собирался усиливать позиции русских, наоборот, он хотел их ослабить. Больше всего он боялся отдельной русской республики»⁵.

Как уже было упомянуто выше, в этой борьбе Сталина с русским народом особое место занимает «ленинградское дело».

---

⁴ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 [пер. с англ. О.Р. Щелюковой]. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с. *Terry Martin.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press. Ithaca and London.

⁵ Там же. С. 545.

О внешней канве этого преступления сегодня знают все. Но, как справедливо отмечают современные эксперты, «ленинградское дело» и сегодня остается одним из самых **загадочных и малоизученных** судебных процессов сталинского времени»⁶.

Более того, ни историческая наука, ни общественность России до сегодняшнего дня не определились даже с тем, как следует относиться к фигурантам этого «дела» – одна часть историков и публицистов считает, что Сталин «правильно расстрелял» русских руководителей, поскольку они-де действительно «совершили преступные деяния». Другие однозначно относят их к несправедливым жертвам сталинских репрессий.

Что касается информации об этом событии, то на Западе, например, те, кому положено было знать о «ленинградском деле», знали о нем практически все. Но популярным ни в СМИ, ни в исторических публикациях оно там не стало. Как, впрочем, и у нас дома. И это вызывает вопросы.

Почему в отношении гонимых в этот же период евреев (дела так называемых космополитов, «врачей-вредителей») и у нас, и на Западе существует довольно многочисленная литература. У нас на этот счет имеются даже фундаментальные исследования, например основательная, изобилующая многочисленными подробностями работа Г.В. Костырченко «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» (2003). А вот литература о репрессиях в отношении русских руководителей в те же годы едва насчитывает какой-нибудь десяток публикаций в жанре статей или частично затрагивается в книгах, написанных совсем по другим темам.

При этом палачей «ленинградского дела» почему-то вниманием не обходят. Давно уже существуют специальные монографии, посвященные биографиям тех, кто организовывал это преступление, подвергал его фигурантов физическим пыткам (много пишут о Берии, Маленкове, Абакумове, даже Булганине), а вот до написания биографий членов семьи Вознесенских, Кузнецова, Попкова, Родионова, Бубнова, А. Жданова, Вербицкого, других у историков руки еще не дошли.

Как мне представляется, ответ на этот вопрос кроется в национальности репрессированных.

Русский «флер» этого «дела» отпугивает от него американских, например, историков: эти никогда не станут будить интерес общественности к опасным для них (с геополитической точки зрения) событиям русской истории [по большому счету у англосаксонского политического класса по обе стороны Атлантики с XVIII века не было более постоянного в мире конкурента и соперника, чем Россия. Похоже, так обещает быть и в XXI веке]. Причину этого опасения очень точно, на мой взгляд, определил кандидат исторических наук Л. Решетников: «Запад, – написал он в 2013 году, – никогда не боялся большевистской идеологии, которую он сам и вскормил. Он не боялся диктатуры И. Сталина, пока речь шла о диктатуре руководителя ВКП(б). Но Запад и советская номенклатура смертельно боялись возрождения исторической России. В связи с этим примечательны слова одного из видных западных идеологов С. Хантингтона (1927–2008): «Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не

---

⁶ Как написал в небольшой, но очень емкой публикации безвременно ушедший из жизни к. и. н., обозреватель «Независимой газеты» С.В. Константинов (1968–2001), книгу очерков которого в 2008 г. опубликовали его товарищи по журналистскому цеху О.В. Давыдов, А.Ч. Касаев, В.Э. Молодяков, «ленинградское дело» до конца никогда не будет распутано не только потому, что Маленков в 1957 г. лично уничтожил материалы по этому делу, но и потому, что в самих этих документах правда и ложь просто неразличимы».

примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными»⁷.

Одновременно с Хантингтоном к такому же выводу пришел и ученый прямо противоположных мировоззренческих позиций, знаменитый американский историк и экономист британского происхождения Энтони Саттон (1925–2002). В целой серии своих написанных в США книг Саттон на основе анализа массивной документальной базы убедительно показал, что американские финансовые воротилы «могли согласиться и на централизованную царскую Россию, и на централизованную марксистскую Россию, но никак не на децентрализованную свободную Россию»⁸. В этом плане они считают просто опасным для себя привлекать внимание и зарубежной, и российской аудитории к «ленинградскому делу».

Вот обо всем об этом и пойдет речь в предлагаемой читателю книге.

Апрель 2016 года

---

⁷ Рецетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или Тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013. С. 186–187.

⁸ Цит. по: Романов П.В. Россия и Запад на качелях истории: От Александра III до Сталина. СПб.: «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. С. 282. Одна из наиболее известных книг Э. Саттона «Trilaterals over America» («Америка во власти Трёхсторонней комиссии») была им опубликована в 1979 г., после чего по настоянию Белого дома Саттон был лишен финансирования своих исследований в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США). Исходя из приведенной выше цитаты Саттона и целой серии опубликованных им книг, становится понятным, почему именно В. Путин, начиная с 2005 г., вызывает такую неприкрытую ненависть Уолл-стрит и верхушки политического класса США.

Глава 1

Временная реабилитация государствообразующей нации

Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос, то есть, каким должен быть статус РСФСР и русской нации в СССР.

Вячеслав Молотов. 1980 год

«Свалить шовинизм на обе лопатки»

Хорошо известно, какое огромное значение ленинско-сталинское руководство придавало вопросам идеологической работы. Может быть, именно поэтому за весь период существования советской власти у большевиков было всего три официальных секретаря ЦК по вопросам идеологии – Николай Бухарин, Андрей Жданов и Михаил Суслов. В промежутках между деятельностью первых двух функции главных идеологов принимали на свои плечи Ленин и Сталин, не доверяя эту важнейшую сферу политической деятельности случайным функционерам.

Н.И. Бухарина (1888–1938) на идеологическую стезю сподобил сам основатель большевистской партии – Ленин. И сделал это еще в декабре 1912 года, когда направил из Кракова в Вену никому не известного грузина Иосифа Джугашвили для написания статьи «Марксизм и национальный вопрос», а в помощь ему определил Бухарина.

Бухарин же появился в Кракове незадолго до приезда туда И. Джугашвили в сентябре 1912 года. Приехал он из Вены специально для того, чтобы познакомиться с Лениным. 24-летний юноша с четко выраженными марксистскими взглядами еще ранее привлек внимание руководителя большевистской линии в РСДРП, и Ленин недолго думал, куда пристроить таланты этого пышущего полемическим задором и жадой политической деятельности революционера.

Со Сталиным было немного сложнее. Ленин недоверчиво присматривался к нему довольно долго. И даже после написания работы по национальному вопросу, которая в принципе вождем была одобрена, Ленин в беседах с Орджоникидзе, который и рекомендовал Джугашвили, нет-нет да и спрашивал Серго: «А вы считаете, Джугашвили не перевернется?» Объяснялось это тем, что вождем довольно болезненно воспринял неосторожную фразу Джугашвили, который в письме из Туруханской ссылки назвал спор Ленина с Богдановым пустой «бурей в стакане воды».

Но с кадрами у большевиков всегда было очень плохо, и потому, когда Ленину в борьбе со своими противниками дозарезу понадобилась теоретическая разработка национального вопроса в России, он в декабре 1911 года через Орджоникидзе вызвал в Краков Иосифа Джугашвили.

Сталин в Краков приехал, произвел на Ленина неплохое впечатление, но выяснилось, что кроме грузинского и русского никакими другими языками он не владеет, а все теоретические разработки по интересовавшей Ленина проблеме к этому времени были написаны в основном австрийскими и немецкими социал-демократами. Вот тут-то и сгодился Бухарин, который к этому времени уже вполне освоился в Европе. Ленин познакомил его с И. Джугашвили и поручил помочь «чудесному грузину» с переводами. Будущий Сталин, который в тот момент еще носил партийную кличку Коба, Бухарину не поглянулся, но Ульяновым-Лениным Мойша Долголевский (так Бухарин называл себя в те годы по фиктивному паспорту) был очарован до глу-

бины и данное поручение выполнил блестяще. Написанная Кобой работа «Социал-демократия и национальный вопрос» (позднее переименованная в «Марксизм и национальный вопрос») вызвала самую высокую оценку не только Ленина, но даже и Троцкого.

А Бухарин с этого момента с подачи Ленина, который позже назовет его «превосходно образованным марксистом-экономистом», «крупнейшим и ценнейшим теоретиком партии», становится основным и главным идеологом большевизма. В 1915 году он публикует работу «Мировое хозяйство и империализм», предисловие к которой пишет Ленин, затем брошюру «Политическая экономия рантье» и другие труды. После победы Октябрьской революции 1917 года среди своих важнейших теоретических работ Бухарин сам называл «Азбуку коммунизма» (написанную в соавторстве с Е. Преображенским), «Программу коммунистов (большевиков)», «От диктатуры царизма до диктатуры пролетариата», «Экономику переходного периода» (в соавторстве с Г. Пятаковым) и в период борьбы с Троцким – «К вопросу о троцкизме». Кроме этого сделал огромное количество докладов на партконференциях и съездах, опубликовал сотни статей в газетах «Правда» и «Известия» (в 1934–1937 гг. был главным редактором последних). С 1924 по 1929 год был членом политбюро ЦК ВКП(б) и называл себя личным ближайшим другом Сталина. Но в 1928 году выступил против форсированной коллективизации и с 1929 года перешел в оппозицию к генсеку. С этого момента Бухарин потерял все руководящие политические должности в партии и в ИККИ.

Однако на вопросы идеологии Бухарин пытался влиять всегда и исключительно в русле ленинского подхода – против якобы имевшего место засилья в партии «великодержавного русского шовинизма».

Ничего не могу сказать в отношении «засилья», но без соответствующего объективного объяснения в этом случае не обойтись.

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) генеральный секретарь ЦК в отчетном политическом докладе сказал следующее.

«В численном отношении, – сказал он, – бывшая державная нация представляет (в стране) около 75 млн, а остальные нации – 65 (это все-таки немало) и... прежде всего... в связи с тем, что... национализм русский стал нарастать, усиливаться... бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, то есть создать так называемую «единую и неделимую». И таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила – великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы не подсечем ее в корне, – а нэповские условия ее взращивают, – мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата». Доверие, которое партия приобрела в массах в ходе революции, предупреждал Сталин, «мы можем растерять до последних остатков, если мы все не вооружимся против этого нового, повторяю, против великорусского шовинизма, который бесформенно, без физиономии, ползет, капля за каплей впитываясь в уши и глаза, капля за каплей изменяя дух, всю душу наших работников так, что этих работников рискуешь не узнать совершенно. Вот эту опасность, товарищи, мы должны во что бы то ни стало свалить на обе лопатки...»

Размышление № 1

В каких условиях в докладе Сталина мог появиться такой многозначительный пассаж?

Ни в многочисленных, посвященных Сталину мемуарах, ни в российских государственных архивах, ни в работах известного английского историка Симона Монтефиоре, собравшего огромный массив фактов из личных архивов потомков соратников Сталина и лиц, близко его

знавших, мне не удалось обнаружить свидетельств того, чтобы генсек ЦК в личных беседах говорил об опасности для СССР, происходящей из наличия в России так называемого великодержавного русского шовинизма. О своем восхищении русским народом – да, говорил, и неоднократно. А вот о порицании – нет. По-видимому, у него самого таких настроений до поры до времени и не было. Или он их тщательно скрывал от окружающих. Хотя ощущение политической опасности, исходящей от русских людей, у него было постоянно, в течение всей его жизни. Наиболее ярко и прямо это проявилось в двух случаях: во время коллективизации⁹ и в процессе «ленинградского дела»¹⁰.

Вопрос об оценке действительной позиции Сталина в этом плане непрост даже спустя 70 лет после смерти Иосифа Джугашвили. В последние годы стало модным утверждать, что мы не можем объективно оценивать поступки (и вообще действия) исторических фигур нашего прошлого. Дескать, мы не жили в то время, не знаем всех тех обстоятельств, в условиях которых эти фигуры действовали, и потому не вправе выносить им свои оценки. Это верно, не жили. Но мы сегодня пребываем в намного более комфортных, с этой точки зрения, условиях, чем современники Сталина. Прежде всего потому, что мы сегодня, в отличие от тех же современников, знаем неизмеримо больше их, поскольку нам известно все (все!) дальнейшее поведение не только Сталина, но и Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и т. д. Накладывая это дальнейшее поведение на события, скажем, 1923 года, мы можем во многом достоверно судить о внутренних пружинах их поступков, то есть о таких мотивах, о которых они **тогда** публично говорить не могли. Но ведь эти пружины и мотивы существовали реально.

Так, сегодня из нашего исторического, по отношению к Сталину, далека можно с уверенностью говорить о том, что слова Сталина с осуждением великодержавного русского шовинизма были направлены не столько аудитории съезда и партийному членству, сколько в адрес других очень внимательных слушателей: Ленина, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Троцкого и их сторонников.

Ведь к моменту созыва XII съезда партии генсек только что получил зубодробительную выволочку от Ленина за скандал, который он, вместе с Орджоникидзе и Дзержинским, учинил с руководством грузинского ЦК.

Именно в этот момент представитель ЦК КП Грузии Б. Мдивани пишет кому-то в Грузии совершенно конфиденциальную записку:

«Я очень жалею, что не могу лично доложить о прениях по этому вопросу, но одно то интересно, что прения продолжались целых 3 часа – это нечто чудовищное на Пленумах, где вопросы решаются с кинематографической быстротой. Прения показали, что известная часть ЦК прямо отрицает существование национального вопроса и целиком заражена великодержавническими тенденциями, но эта часть получила **такую оплеуху**, что не скоро решится снова вернуться из норы, куда ее загнал **Ленин**.

...Смотри не теряй письма, я его выпросил у Каменева... Сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин, после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... По вопросу о взаимоотношениях принят добровольный союз на началах равноправия, и в результате всего этого удушливая атмосфера против нас рассеялась, напротив, в пленуме ЦК нападениям подверглись великодержавники – так и говорили Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие. Проект принадлежит, конечно, Ленину, но он внесен от имени Сталина, Орджоникидзе и др., которые сразу изменили фронт»¹¹.

⁹ См. подробно: Кузнецhevский В.Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. С. 315–339; Он же. Сталинская коллективизация – ошибка ценою в миллионы жизней. М.: РИСИ, 2015. С. 78–109.

¹⁰ См. подробно: Кузнецhevский В.Д. «Ленинградское дело»: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была утоплена в крови». М.: РИСИ, 2013. С. 81–83.

¹¹ Цит. по: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во Моек,

Буду Мдивани верно ссылался на упомянутые в записке фамилии.

Г. Зиновьев на этом же партийном съезде, выступая в прениях по докладу Сталина, бил тревогу по поводу того, что не только в стране, но и в партии как на дрожжах растет великодержавный русский шовинизм, «который имеет самое опасное значение, так как имеет за собой 300 лет монархии и империалистическую политику». Еще дальше пошел Бухарин, который, зная о личном конфликте между Лениным и Сталиным, издевательски поиронизировал над генсеком: «Я понимаю, когда наш дорогой друг товарищ Коба, Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма», потому что он как грузин должен выступать «против грузинского шовинизма».

В отличие от всей этой хоть и недружной в отношениях друг с другом, но дружной в ненависти к русской нации¹² команды Сталин в этот момент видел и понимал, что после окончания Гражданской войны русская человеческая масса начинает отходить от угара классовых битв и возвращаться к осознанию своей национальной принадлежности. Это стало проявляться в создании критических в отношении большевиков пословиц, поговорок, народных песенных куплетов. Особенно остро это стало проявляться в творчестве вышедших из народа крестьянских поэтов. В 1926 году С. Есенин, протестуя против тысяч беспризорников, снующих между советскими республиками, пишет, что ведь в них, может быть, остаются нераскрытыми прекраснейшие поэты и политики. В них даже Троцкий //Ленин и Бухарин. // Не потому ли моей грустью //Веет стих, //Глядя на их //Невымытые хари».

В это же время появляется стихотворение уроженца пензенской крестьянской глубинки Павла Дружинина «Российское», где поэт пишет: Своя земля как кладень древний, //Над ней кощуют свет и мрак. //Не каждой хате есть царевна, //И в каждой улице дурак. //На них цветные сарафаны //И заливчатские штаны... //На кой же чорт иные страны, //Кромя советской стороны.

Бухарин не простил ни Есенину, ни Дружинину их боль и гордость за Россию. Публикует статью «Злые заметки», где соглашается с Дружининым в том, что дураков в России действительно много, а вот царевны, дескать, «потеряли популярность в народе», потому что «в свое время были немного перестреляны», кощунственно намекая на расстрел дочерей Николая II в Екатеринбурге.

«Есенинская поэзия, – пишет Бухарин в своих «Злых заметках», – по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубахе, «ухарь» припадает сегодня к ножке «государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помни души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно русская» картина! Идеино, – зло пишет Бухарин, – Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще». Таковы были взгляды на русский национальный характер первого полуофициального идеолога русской партии социал-демократов (большевиков).

Правда, потом, в 1934 году, выступая на Первом съезде советских писателей с докладом о поэзии, Бухарин несколько смягчает свою оценку поэзии Есенина, отзываясь о нем как о «звонком песеннике-гусяре, талантливом лирическом поэте», поставив его в один ряд с Блоком и Брюсовым, но сказано это было вскользь, между прочим.

ун-та, 2003. С. 241.

¹² В 1980 г. известный еврейский публицист и историк Мэлик Самуилович Агурский в монографии «Идеология национал-большевизма» назвал Н. Бухарина «злейшим врагом всего русского».

В условиях схода на нет личностного ленинского присутствия, как основного политического фактора в борьбе за конструирование абсолютно новой модели существования России, борьба вокруг спровоцированного Лениным элиминирования из политики так называемого русского шовинизма, то есть лишение русского народа ореола государствообразующей нации, сама по себе стала тем водоразделом, который распределил по разным лагерям и группам все советское руководство. Бывшее окологенинское окружение и руководители новых союзных республик, получив из рук вождя большевиков свободу от Москвы, не хотело и слышать о возврате в политических отношениях к прежнему русоцентризму. Это с одной стороны. А с другой – в массе населения РСФСР вызревал подспудный процесс сопротивления огульному охаиванию русской истории и русского народа.

Сталин в этот момент показал себя как прагматичный политик. И как таковой он не мог себе позволить встать в русском вопросе на сторону Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Каменева, грузинского, украинского руководства (этих последних подпирала внутри РСФСР татарские и другие узкие националисты). Но и повернуть руль в сторону от ленинской русофобии в таких условиях он тоже не мог, если хотел остаться в руководящей политической обойме. А он этого хотел. Вот этим и объясняются его официальные филиппики в адрес русского великодержавного шовинизма в этот момент.

Вот на этом очень чувствительном оселке Бухарин и расходится радикально со Сталиным, который делает все, чтобы с 1929 года лишить «любимца всей партии» полуофициальной должности секретаря по идеологии в правящей партии.

Претендовавший на эту роль председатель Союза воинствующих безбожников Емельян Михайлович Ярославский (Миней Израилевич Губельман, 1878–1943), хоть и пытался заменить своей деятельностью уходящего из политики Бухарина¹³, сделать этого не смог, и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) был вынужден основные функции партийного идеолога принять на свои плечи.

---

¹³ На самом-то деле у двух этих членов ЦК ВКП(б) было много общего. Бухарин в одной из своих статей в «Правде» ратовал за «выселение богов из храмов и перевод в подвалы, а злостных их почитателей – в концлагеря», и Е. Ярославский в той же «Правде» в те же годы писал в том же ключе: «Одним из убежищ, одним из прикрытий для крестьянина, который не хочет в колхоз... остается религиозная организация с гигантским аппаратом, полуторамиллионным активом попов, раввинов, мулл, благовестников, проповедников всякого рода, монахов и монашек, шаманов и колдунов и т. п. В активе этом состоит вся махровая контрреволюция, еще не попавшая в Соловки, еще притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле» (речь на праздновании 1 мая 1929 г.). «Союз воинствующих безбожников», который основал Е. Ярославский, прекратил свое существование только в 1943 г. вместе со смертью своего председателя.

Расставание с Покровским

Как уже говорилось выше, Ленин исходил из того, что русский народ во все века на территории Российской империи занимался только тем, что угнетал все другие народы, и потому при образовании Советского Союза потребовал от ЦК РКП(б) гарантий, чтобы в новом государственном образовании – СССР – были заложены гарантии избавления от якобы «векового угнетения» других наций со стороны русских в форме:

– во-первых, образования внутри СССР государственной организации наций в форме республик. В том числе и Украины, хотя украинцы никогда никакой государственности в истории не имели¹⁴;

– во-вторых, в официально закреплённом в Конституции праве выхода из СССР любой национальной союзной республики.

Сталин, как известно, поначалу так не считал и предложил совсем другую модель национальных взаимоотношений в создаваемом под неусыпным ленинским контролем СССР: Россия должна была остаться и дальше в виде РСФСР, а в ее состав на положении автономий должны были входить все другие национально организованные образования.

При образовании СССР путем колоссальной силы ленинского натиска идея Сталина была не просто отклонена, но разрушена и уничтожена, а Советский Союз был образован таким, каким его навязал Ленин. И это несмотря на то, что даже верные последователи Ленина признавали, что союзные республики в составе СССР конституируются из народов и наций, которые никогда в своей истории своей государственности не имели¹⁵.

В 1920-х годах Сталин был вынужден принять все продиктованные ему Лениным условия (и в отношении умаления политической роли русского народа в том числе) и при этом еще и талдычить вплоть до 1930 года, что «решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии», так как «великорусский шовинизм отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии» (политический отчет ЦК ВКП(б) X съезду партии)¹⁶.

В исторической науке главным идеологом в эти годы оставался близко стоявший к Бухарину академик Покровский, который активно позиционировал себя как верный и близкий соратник вождя в идеологии и которого благословлял на эту роль сам Ленин. Стоило Покровскому в 1920 году опубликовать книгу «Русская история в самом сжатом очерке», как Ленин тут же ее прочитал и 5 декабря 1920 направил академику краткое письмо:

«Тов. М. Н. Покровскому.

---

¹⁴ В июле 1930 г. на московском совещании историков-марксистов основоположник послеоктябрьской советской исторической науки, идеологический и политический сподвижник Ленина, академик М.Н. Покровский (1868–1932) в своем выступлении на заседании Общества историков-марксистов (выступление дается по стенограмме), реагируя на требования украинского Общества историков-марксистов признать тот факт, что «русская помещичье-буржуазная и мелкобуржуазная историография отрицала самостоятельность украинского народа, самостоятельность украинской истории» и требовала от русской марксистской историографии признать «самостоятельность истории Украины на всем протяжении исторического развития украинского народа», возражал: «Но Украина государственной самостоятельности никогда не имела. И во второй половине XVIII, и в течение всего XIX и начала XX века Украины как государства не было. Так что мы не понимаем, что это значит «самостоятельность истории Украины», то есть государства Украины на «всем протяжении исторического развития украинского народа». Что же мы должны... воображать, что в это время Николай I, Александр II и III были гетманами». (Смех.) Цит. по: Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 34–41.

¹⁵ Не стану здесь раскрывать этот сюжет подробно, потому что книга написана совсем на другую тему, но и не обозначить его невозможно, так как он крепко связан с названием монографии.

¹⁶ Сразу после окончания работы партийного съезда печать союзных республик широко и активно подхватила этот мотив. Так, например, газета «Правда Востока» в номере от 6 августа 1930 г., акцентируя внимание на том, что «борьба с великодержавным шовинизмом – наша основная задача», призывала «каленным железом выжечь колонизаторскую язву», гнездящуюся в толще русских коммунистов.

Тов. М. Н.! Очень поздравляю вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Рус[ская] И[стория] в сам[ом] сж[атом] оч[ерке]». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские] языки.

Позволяю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим] указателем. Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской; с указан[ием] страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?»

Жесткие подходы М. Покровского к российской истории Сталина, похоже, настораживали, но, зная об активной поддержке основателя послеоктябрьской русской исторической школы со стороны Ленина, он до самой смерти ученого четко и недвусмысленно поддерживал его позиции, например тезис о том, что в СССР строится не национальное государство, а государство мирового пролетариата. Так, когда немецкий писатель Эмиль Людвиг 13 декабря 1931 года спросил Сталина, допускает ли он параллель между собой и Петром Великим, то генсек не задумываясь пояснил: нет, с Петром он себя не отождествляет, прежде всего, потому, что Петр Великий создавал и укреплял национальное государство помещиков и торговцев, а он, Сталин, ставит себе в задачу «не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит – интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса»¹⁷.

В этот период генсек еще не решался публично возражать академику по вопросу исторической роли русского народа. Михаил Николаевич же четко исходил из того, что не нес в себе русский народ никакой объединительной роли по отношению к другим народам, а был, как и указывал Ленин, «русским держимордой», угнетавшим все другие присоединенные к Русскому государству народы. Так, когда председатель ЦИК Грузинской ССР Филипп Махарадзе (1868–1941), известный по конфликту со Сталиным в 1922 году в вопросе по поводу федеративного устройства СССР, в 1931 году имел неосторожность высказаться о положительном историческом взаимоотношении Грузии и России, это так возбудило Покровского, что он на Всесоюзной конференции историков-марксистов тут же взял слово и произнес: «Великорусский шовинизм есть опасность много большая, чем это могут себе представить некоторые представители нацменьшинств. Еще раз повторяю, я считаю, что т. Махарадзе относится к нам, русским, слишком снисходительно. В прошлом мы, русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы, русские, величайшие грабители, каких только можно себе представить»¹⁸.

Более того, в основание созданной им схемы исторической науки послеоктябрьского периода Покровский заложил тезис о том, что вся русская дореволюционная историческая наука, базирующаяся на трудах Чичерина, Соловьева или Ключевского, – это наука помещичье-буржуазная, а значит – контрреволюционная. Прежде всего она таковой является потому, что в свою основу кладет историю русской нации и русского национального государства, а этого последнего, по Покровскому, просто не существовало. До самого своего ухода из жизни в 1932 году ученый боролся за то, чтобы прежнюю историю России заменить на новую – историю народов СССР. Характерный в этом плане пример: в августе 1928 года, когда Покровский задумал созвать Всесоюзную конференцию историков-марксистов, то включил в структуру конференции секцию «История России». Но через три месяца спохватился и переименовал секцию –

---

¹⁷ Сталин И.В. Соч. М.: Госполитиздат. Т. 13. С. 105.

¹⁸ См.: Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 89.

«История народов СССР», объяснив это в следующих словах: «От одной из устаревших рубрик нас избавил коммунистический стыд. Мы поняли – чуть-чуть поздно, – что термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой неделимой»¹⁹.

Изучавший эту тему профессор РГГУ А.Л. Юрганов справедливо замечает на этот счет: Покровский табуировал целую область знания об этапах развития нации, особенно русской.

А вот Сталина в этом плане мучил не «коммунистический стыд», а нечто иное: его все больше беспокоило, что строительство Советского Союза, основанное на ленинском принципе размывания государствообразующей роли русского народа, сопровождала оголтелая политическая кампания в прессе союзных республик с призывами покончить с великорусским великодержавным шовинизмом и раздававшиеся там требования каленым железом выжечь колонизаторское наследие русского царизма, все еще живуче присутствующее в поведении русских коммунистов.

К 1932 году это обстоятельство стало приводить к тому, что стала расплзаться по национальным швам вся политическая организация советского общества. Жестко контролируемый из Москвы коммунистический партийный аппарат своей политической и идеологической деятельностью, конечно, достаточно жестко скреплял обручи советского политического организма по всей стране, но достаточной социальной прочности он все же не обеспечивал, то тут, то там постоянно возникали очаги политического недовольства политикой партии. Генсека это сильно беспокоило. Ленина в политической жизни уже десяток лет не было, и это можно было пережить. Но под вопрос вставало существование самого ленинского творения – Советского Союза. Спасать надо было государство и руководившую в этом государстве абсолютно всем «партию меченосцев», как называл ее Сталин.

Генсек в этот период (как, впрочем, и позже) сильно опасался военного столкновения с Западом, и у него не было уверенности в том, что если война случится, то СССР ее непременно выиграет. Это Бухарин мог убеждать себя и страну в том, что если Запад развяжет войну против России, то в ходе ее империализм окончательно погибнет. «СССР, – писал Николай Иванович в редактируемой им газете «Известия» 6 июля 1934 года, – не боится войны. Не боится постольку и в том смысле, что считает свою победу обеспеченной... Великие завоевания социалистической страны, сплоченность народных масс, единство партии, качества великолепного руководства сыграют свою решающую роль». «Советский патриотизм есть доблесть всего международного пролетариата, который хочет победить и который победит наверняка». И потому если дело дойдет до войны, то, писал Бухарин, кончится эта война тем, что «засияет красная звезда по всей земле».

Сталин так не считал. Генсек понимал, что СССР может дать отпор Западу только в том случае, если ему будет противостоять сплоченный русский национальный элемент, доля которого в общем составе населения СССР составляла около 70 %. Но для того, чтобы русские такую роль на себя приняли осознанно, им нужно было сообщить, что именно они-то и являются ведущей социальной силой советского общества.

И генсек принялся разворачивать идеологическую лодку. Но для этого нужно было публично отказаться от исторической концепции М. Покровского, который в упор не хотел видеть русский народ как нацию, уж тем более – как нацию государствообразующую.

Здесь я не могу не сделать отступления и не сказать, что еще в 2010 году д. и. н., профессор РГГУ Андрей Львович Юрганов [р.1959] осуществил очень большую работу в архивах Российской академии наук и Института истории Коммунистической академии при ЦИК СССР 1930–1940-х годов и пришел к выводу о том, что по самым существенным вопросам

---

¹⁹ Отечественная история. 1994. № 3. С. 148. Цит. по: Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 90.

в означенном выше ключе Сталин начал расходиться с М.Н. Покровским еще в начале 1927 года. Но окончательно порвал с исторической концепцией Михаила Николаевича только после смерти последнего. Андрей Львович всю эту историю подробно изложил в своем почти 800-страничном фундаментальном труде «Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма», увидевшем свет в 2011 году.

Внешне этот поворот вначале выглядел довольно безобидно. 27 декабря 1929 года Сталин выступает на конференции аграрников-марксистов и ставит вопрос о «разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли». Этот упрек в адрес исторической школы Покровского, заключающийся в том, что предлагаемая академиком теория перестает отвечать нуждам практического строительства социалистического государства, никто не заметил, включая и самого Михаила Николаевича. Тогда Сталин переходит к практическим действиям и в октябре 1931 года пишет письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», которое публикуют все московские партийные идеологические журналы («Большевик», «Пролетарская революция», «Коммунистическое просвещение», «Борьба классов»).

Избрав адресатом своих критических замечаний совершенно третьестепенную фигуру – историка А.Г. Слущкого (1894–1979, с 1937 по 1957 г. – узник концлагеря в Сибири), о котором до этого никто даже и слыхом не слыхивал в исторической среде, Сталин на самом-то деле ударил по историкам школы Покровского (а других официальных историков в то время в СССР и не было), упрекая их в том, что они свои труды строят на «бумажных документах», а не на реальных делах и практике большевизма. Статья заканчивалась куда как ясным выводом в этом отношении: «...Даже некоторые наши историки, – я говорю об историках без кавычек, о большевистских историках нашей партии, – не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слущких и Волосевичей [автор «Курса истории ВКП(б)». – *Авт.*]. Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера»²⁰.

А.Л. Юрганов показал, что основной посыл письма Сталина поняли многие историки, что проявилось на собраниях общества историков-марксистов. Но только не Покровский. Вплоть до своей смерти 10 апреля 1932 года академик продолжал доказывать, что только он верно следовал указаниям Ленина в развитии советской исторической науки. *А основной его тезис касался утверждения о том, что в истории России с древнейших времен племенной русский народ никакой объединительной миссии по отношению к другим национальностям (народам) никогда не нес.*

В последнем (за 1930 г.) номере журнала «Историк-марксист» Покровский в статье «Возникновение Московского государства и «великорусская народность» отрицал даже само существование «великорусов»: «А кто такие эти «великорусы»... – писал он, – никаких великорусов не было вообще – на этой территории проживали финские племена, автохтоны, которые... финизировали своих поработителей». «Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было «тюрьмою народов». Великороссия построена на костях «инородцев», и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великорусов течет 80 % их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет»²¹.

---

²⁰ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. № 6 (113). 1931 г. С. 101–102.

²¹ Цит. по: Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 108.

Сталин русофильством не страдал, но прагматическим своим умом понимал, что в случае войны спасти большевиков у власти может только русская национальная масса. И потому его просто коробила вся эта инспирированная Лениным русофобская вакханалия. Ведь он еще в 1913 году в работе «Марксизм и национальный вопрос» черным по белому написал: «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе сложившуюся сильную организованную дворянскую бюрократию». Однако в начале 1930-х впрямую бороться с исторической школой Покровского генсек еще не мог. И не только потому, что Покровский и его многочисленные ученики опирались на прямую поддержку Ленина в начале 1920-х годов в своей борьбе против государствообразующей роли русского народа и фактически держали в своих руках всю историческую науку вплоть до смерти Покровского.

А еще и потому, что Сталин в эти годы был вынужден бороться сразу на нескольких фронтах:

- за личное политическое выживание в схватке с людьми из бывшего ближайшего окружения Ленина (а это были не только Троцкий, Зиновьев, Каменев, но и такие, как лично знавший Ленина И.Н. Смирнов²², бросивший в 1932 году в узком кругу единомышленников фразу «Сталин думает, что на него не найдется пули», и др.);
- проводить коллективизацию и индустриализацию;
- обосновывать концепцию возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране в условиях враждебного империалистического окружения и еще много чего, о чем в Октябре 1917-го никто даже никакого понятия не имел.

К этому времени генсек сосредоточил в своих руках всю полноту власти, брался за решение всех возникающих проблем одновременно. В принципе считал, что у него все более или менее получается. Но была одна сфера, которая требовала ежедневного профессионального внимания и которая пронизывала в буквальном смысле все поры жизни советского общества, – идеология. В ЦК остро ощущалась потребность в специальном руководителе, который бы занимался исключительно идеологическими вопросами. Исполнявший до сих пор эти функции Бухарин для такой работы уже не годился.

«Ценнейший теоретик партии» к 1934 году растерял все политические ориентиры. Будучи к этому времени главным редактором «Известий», но уже седьмой год как выведенный из состава политбюро ЦК, он не был посвящен в вопросы высшей политики. И хоть и видел, что с учением его единомышленника академика Покровского происходит что-то не то, тем не менее продолжал действовать в прежнем ключе. 21 января 1936 года публикует в возглавляемой им газете статью, где утверждает, что русские до 1917 года были «нацией Обломовых», а само слово «русский» употребляет как синоним слова «жандарм». Автор статьи в буквальном смысле задыхался от презрения к коренному населению страны: «Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни поработанных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная лень! Эта неразбериха, безалаберщина, отсутствие элементарного порядка!»

Как заметил в 1990-х годах в одной из своих работ известный литературовед и великолепный публицист Вадим Кожинов (1930–2001), «Бухарин не замечал, или не хотел замечать, что в стране уже начался **коренной поворот**» в области идеологии²³. Но что-то все ж таки его тревожило, и 27 января 1936 года он решил отмежеваться от идей Покровского и опуб-

²² Смирнов Иван Никитич (1891–1936), «победитель Колчака», арестован в 1933 г., расстрелян в августе 1936 г., через несколько месяцев были арестованы и расстреляны его жена и дочь, хотя именно под гарантии следствия, что им будет сохранена жизнь, Смирнов подписал «признание» в контрреволюционной деятельности.

²³ Профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Вдовин считает, что причиной этого поворота стало «осознание неизбежности войны» после прихода в Германии к власти Гитлера и что в этих условиях «в качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ» (Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. С. 102, 106). По большей части, наверное, так оно и было. Хотя в немалой степени этот поворот был обусловлен и тем, что Сталин понял: приход мировой революции в ближайшие десятилетия не просматривается.

ликовал в «Известиях» объемную статью «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н. Покровского)». Однако ему тут же дали понять, что он опоздал и уже не является «любимцем всей партии».

В тот же день другая главная партийная газета «Правда» публикует постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании специальной комиссии под руководством Жданова «для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы также «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8 августа 1934 года. А передовица «Правды» разъяснила смысл этих документов, призывая историков к борьбе «с антиленинскими традициями школы Покровского и в методе и в конкретной картине русской истории», к ликвидации присущих этой школе «полуменьшевистских полупендосистских идей и троцкистской контрабанды». СНК и ЦК указывали, что «задача преодоления этих вредных взглядов» имела «важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». «Пришло время... – писал в том же номере газеты один из членов конкурсной комиссии, – чтобы мы дали нашей молодежи учебники истории, готовящие ее к предстоящим великим боям на международной арене. История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм».

А через три дня, 30 января, редактируемая Л. Мехлисом (1889–13.02.1953) «Правда» публикует передовицу, в которой было написано, что «только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции «обломовщина была самой универсальной чертой характера», а русский народ был «нацией Обломовых». Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, – народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, – такой народ называть «нацией Обломовых» может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит». Бухаринская статья была отождествлена с фашистской писаниной «в доказательство того, что русские даже не люди», и с ненавистью, которая «в первую очередь направляется на русский народ» именно потому, что клеветники великолепно понимали реальную роль этого народа в борьбе за превращение России в «великую пролетарскую державу». 10 февраля этот новый тренд в отношении исторической роли русского народа был усилен. В написанной Л. Мехлисом редакционной статье «Правды» «Об одной гнилой концепции» указывалось: «Партия всегда боролась против... Иванов, не помнящих родства», пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет». Провозглашалось равенство в СССР всех народов, «от самых маленьких до самых больших», но при этом подчеркивалось, что «первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед и до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика».

В политбюро заходит разговор о секретаре ЦК, который бы занимался исключительно вопросами идеологии.

Вопрос крайней деликатности. Опыт Бухарина показывал, что таким секретарем мог быть только такой человек, которому Сталин доверял бы абсолютно. Выбор падает на С.М. Кирова – руководителя Ленинградской партийной организации. Но Киров, дав согласие стать еще одним секретарем ЦК, категорически отказался переезжать из Ленинграда в Москву и уж тем более заниматься вопросами истории. «Ну, какой же я историк?!» – заявил он Сталину. Да и вообще он хотел бы «вместе с ленинградскими товарищами успешно завершить вторую пятилетку в своем регионе».

На мой взгляд, дело было конечно же не в местном патриотизме. У Кирова просто-напросто напрочь отсутствовали способности к идеологической работе. Будучи человеком умным, он это осознавал и предвидел свое грядущее фиаско на этом поприще. Ну и кроме того, Миро-

ныч, как его называли в партийных кругах, был большим любителем жизненных удовольствий (женщины). В Питере он этими удовольствиями пользовался бесконтрольно (за что и попался в конце концов: выстрел Николаева), а переехав в Москву, был бы вынужден сильно сократить перечень этих личных наслаждений. Так это было или как-то иначе, но в ночь с 10 на 11 февраля 1934 года в результате очень долгого разговора Кирова со Сталиным на квартире последнего был найден компромисс: Киров соглашается стать новым секретарем ЦК, но остается «на хозяйстве» в Ленинграде, а для помощи ему как секретарю ЦК и для связи между ним и Сталиным вводится должность еще одного секретаря ЦК.

А время не ждет. 5 марта 1934 года появилось решение политбюро о реформировании в преподавании исторической науки. 20 марта заведующий отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.И. Стецкий и А.С. Бубнов получили задание подготовить предложение о составе авторов исторических учебников. 29 марта постановлением политбюро были утверждены авторские коллективы. В тот же день политбюро приняло постановление о введении исторических факультетов в составе университетов. Для выработки итогового документа Бубнову было поручено вызвать из ссылки Е.В. Тарле. Два постановления политбюро от 29 марта были объединены и составили основу нового постановления политбюро (и СНК СССР) от 15 мая «О преподавании гражданской истории в школах СССР», текст которого был отредактирован самим Сталиным.

Свидетельство о заседании политбюро ЦК 29 марта сохранил для истории приглашенный на это действо историк С.А. Пионтовский. Практически на заседании говорил только генсек, пишет он в своем дневнике, так как остальные просто не были готовы к такому идеологическому развороту. «История, – говорил генсек, – должна быть историей. Нужны учебники Древнего мира, Средних веков, Нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов. Бубнов сказал, может быть, не СССР, а история народов России? Сталин говорит – нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас. Дальше, между прочим, он сказал, **что схема Покровского не марксистская схема» и вся беда пошла от времен влияния Покровского**»²⁴.

Публикатор архивных документов того периода, относящихся к идеологическому развороту в развитии исторической науки, М.В. Зеленов в 2006 году отмечал, что в январе 1936 г., после волны публикаций о фашизации историографии в Германии, Сталин инициировал ряд статей против концепции М.П. Покровского²⁵.

Необходимо, пишет Зеленов, подчеркнуть объективную необходимость смены концепций исторического пути России и, следовательно, оправданность действий Сталина в этом направлении после прихода в Германии к власти фашистов. Сталин готовился к войне и понимал, что необходимо готовить к ней и массовое историческое сознание, для чего необходимо было формировать новую историческую идеологию, охватывающую население страны призывного возраста, то есть студентов и старших школьников. Удобнее это было сделать через школьные учебники и истфаки университетов. Фигура Покровского не была заменена каким-либо иным авторитетным историком, она была заменена фигурой Сталина. Результат проведенной реформы был оправдан в годы войны: власть смогла сформировать такую идеологию, такое понимание патриотизма, которые объединяли воедино все народы, национальности в борьбе против фашизма. При изменении массового исторического сознания через кинематограф и литературу предпринятые меры дали желаемый эффект.

Как всегда, проведение реформ сопровождалось сменой носителей старых идей на носителей новых идей. Если в 1929–1930 годах репрессировалась старая профессура, то в 1934–

---

²⁴ Цит. по: Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 113.

²⁵ Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник выступлений и материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы / Сост. М.В. Зеленов. СПб., 2006. С. 183–186.

1936 годах были репрессированы представители «школы Покровского». Смена курса в 1938–1939 годах также привела к новым репрессиям, поскольку Сталин мыслил персоналистично: новую идеологию должны проводить новые люди²⁶.

Размышление № 2

Чтобы завершить с этим важным политическим сюжетом из политической истории страны, следует сделать одно замечание: позицию Сталина идеализировать в этом плане не стоит. Было бы неверным считать Сталина русофилом. На деле он был тем, кем он сам себя долго называл, – нацменом.

При этом следует учитывать, что выраженную Сталиным при образовании СССР концепцию автоиомизации менее всего следует толковать как русоцентризм, и уж тем более как русофильство. Нет, конечно. Русофилом Сталин никогда не был (хотя и русофобом – тоже). Генсек в своем поведении всегда руководствовался политической целесообразностью. Он всегда был, и при этом и ощущал себя нацменом, то есть представителем малого народа, присоединившегося (присоединенного) к великому народу и к великой стране. То есть Иосиф Джугашвили с молоком матери воспринимал как данное свыше, что Россия – это великая, мирового значения держава, а русский народ – это государствообразующая этническая субстанция, которая на протяжении многих веков сумела организовать на огромной географической территории земного шара государство с мирового значения культурой

---

²⁶ Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы... С. 183–186.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.